

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИУМА:
КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Расторгуев Валерий Николаевич – док-р философии, «Лауреат премии
Правительства РФ, 2007 года», профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, г.

Москва, Россия

Аннотация. Экологическая политика представляет собой одну из самых наукоемких и специализированных сфер политической деятельности и характерную для этой деятельности область узкопрофессионального знания. Даже в сфере публичной политики она предполагает хоть какую-то профессиональную экспертизу, не говоря уже об отраслевой политике, где каждое решение требует научной проработки на междисциплинарной основе. Столь очевидный симбиоз политики и науки в тех странах, где он стал нормой, демонстрирует свою устойчивость.

Ключевые слова: экологическая политика, экология человека и социума, компетенции, компетентность

Human and social ecology: competencies and competence

Rastorguev Valery Nikolaevich, - doctor of philosophy, "Laureate of the prize of the government of the russian federation, 2007", professor of Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia

Annotation. Environmental policy is one of the most knowledge-intensive and specialized areas of political activity and a characteristic area of narrow professional knowledge. Even in the field of public policy, it involves at least some professional expertise, not to mention industry policy, where every decision requires scientific study on an interdisciplinary basis. Such an obvious symbiosis of politics and science in those countries where it has become the norm demonstrates its stability.

Keywords: environmental policy, human and social ecology, competence, competence

Это не удивительно, поскольку политика в условиях постоянного диалога власти и оппозиции (а экологическая позиция всегда представляет собой оппозицию по отношению к вертикали управления), нуждается в надежном научно-прогностическом обеспечении, немислимом без экологической экспертизы и прогностики. В то же время экология во всех ее разновидностях – и научная, и или «околонаучная» (так называемый экологизм) – предполагает в итоге выход на практическое использование властных рычагов в интересах оптимизации отношений между обществом и природой.

Область интересов экологической политики, если рассматривать ее и как наукоемкую политическую деятельность, и как особую форму специализированного знания, охватывает все без исключения формы человеческой жизнедеятельности. В этом заключена и сила такого подхода, и его слабость. С одной стороны, полифункциональность и бескрайний горизонт проблем существенно повышает роль органов власти и расширяет полномочия государственной политики в целом. Ответственность за судьбу планеты и ее обитателей – разве не об этом мечтают Наполеоны всех времен и народов? И действительно, в этом случае на государство (государственных лидеров) и институты гражданского общества (лидеров общественного мнения) ложится вся полнота ответственности и, естественно, функции контроля и самоконтроля за любым проявлением человеческой активности – будь то производство или потребление, национальный уклад жизни или даже образ мышления. Не будем забывать, что все экологические катастрофы свершаются вначале в сфере духа и лишь затем реализуются в виде природных катаклизмов. С другой стороны, эти полномочия приходится урезать до необходимого минимума. Аргументы в пользу такого «урезания» также лежат на поверхности:

Во-первых, чем уже зона управления и поле контроля, тем эффективнее и дешевле само управление. Такой довод всегда представлялся весомым аргументом для наших политиков – и в эпоху тотального огосударствления, когда под этим предлогом пустили под нож или, как теперь выражаются, «под гильотину» «неперспективные деревни», и сегодня, в период тотального

разгосударствления, которое стало болезненной реакцией на этацизм социалистического образца. Эта крайность отчетливо проявляется ныне и в ходе осуществления административной реформы, в период «сброса ответственности» с покатых и все более немощных ведомственных плеч.

Во-вторых, безграничная экологизация политики может обернуться скрытой формой тоталитаризма, но уже нового типа – «зеленой деспотией» и даже «зеленым беспределом», о чем много говорится в связи с антиглобалистскими выступлениями последних лет.

В-третьих, национальная экологическая политика, построенная по отраслевому типу, не является исключением из правил, так как полностью «встроена» в глобальные стратегии управления, которые также тяготеют к отраслевому принципу. В этом отношении она полностью подчиняется общим алгоритмам управления рисками и коррекции целей. К примеру, Европейский Союз уже сегодня может соперничать с ушедшим в политическое небытие Союзом ССР по степени бюрократической заорганизованности.

Таким образом, экологическая политика существует как бы изолированно, автономно от социальной и экономической. Это касается ее национального, субнационального и регионального (международного) срезов. Самоизоляция характерна не только для мало связанных между собой государственных инфраструктур (социальных, экономических, природозащитных), но и для деятельности неправительственных организаций, институтов гражданского общества. Так, экологи работают по своему профилю и конкурируют *между собой* в информационном и событийном пространстве *экологизма*, а группы социальной или, к примеру, культурной ориентации не менее самостоятельны и также внутренне разделены. Если «однопроблемные» движения сегодня где-то и сливаются, то это происходит по преимуществу в «политическом зазеркалье» – концептуально аморфной и маргинализованной зоне антиглобалистских настроений и акций. Это не исключает, конечно, возможности их консолидации, например, в сфере политической борьбы за голоса избирателей. Примером могут служить разнообразные и, как правило,

успешные коалиции «зеленых» с другими движениями и партиями «меньшинств» – от феминисток до «голубых».

В свою очередь, бизнес связан с экологией исключительно в пределах, определенных требованиями действующего природоохранного законодательства и благотворительности, что особенно ярко проявляется в многообразных некоммерческих структурах, получивших мощное конкурентное преимущество по отношению к традиционным формам бизнеса – как государственного, так и частного, как крупного, так и среднего. Залог такого преимущества – развитие в западных странах института прогрессивного налогообложения, что и превратило деловую активность гражданского общества в третий сектор экологии. Этим объясняется и разительное отставание России от развитых стран в сфере экологии и социальной поддержки населения на уровне самоуправления. Пока вектор не будет изменен в пользу действительного прогрессивного налогообложения, а не «плоского налога» и паллиативной мизерной нагрузки на средний и крупный капитал (последние решения), не говоря уже о неприкасаемых олигархах, о реальном самоуправлении в России и гражданском обществе можно забыть, как и о сильном экологическом движении. При этом создаются сверхблагоприятные условия для «агентов влияния» – бесчисленных «грандоедов», оказывающих услуги своим спонсорам и имеющих заметное влияние на политическую атмосферу в стране. Кстати именно эти структуры будут диктовать и направленность экологических акций.

Вместе с тем экологическая политика только тогда станет эффективной, когда ей удастся хоть в какой-то степени соответствовать научным представлениям о многообразии живой природы, не теряя при этом из поля зрения многоликость и внутреннюю противоречивость социоприродных систем и самой человеческой природы. Сжимая наши представления о сути экологической политики до узковедомственного видения проблемы или до сферы управления инфраструктурой, обеспечивающей оптимизацию природопользования, мы не только упрощаем проблему, но в ряде случаев

просто отказываемся ее решать. Это касается, в первую очередь, так называемых глобальных проблем. Сводя мир экологической политики к регламентации отношений между начальствующими и подчиненными, контролирующими и подконтрольными, мы лишаем ее главного потенциала и опоры – мощной социальной поддержки как внутри отдельных стран, так и в сфере прямого, не опосредованного государственными структурами международного сотрудничества.

Экологическая политика должна рассматриваться не только как отдельная отрасль, но и как «территориальная и временная карта» для подготовки, «привязки» и координации социально-экономических, культурных и других программ, планов и проектов. Именно поэтому разработка ее стратегических ориентиров и доктринальных принципов требует от заинтересованных сторон достаточно четкого представления о базовой иерархии ценностей и, соответственно, высокой степени *согласия* между разработчиками (в том числе между *стратегами*) по принципиальным позициям и базовым *стратегемам*. Но как добиться согласия (от воззрений на иерархию ценностей до четкого определения иерархии целей) в сфере современной политики, если для нее характерны чрезвычайно высокий уровень рисков, крайне низкий порог чувствительности к научной аргументации и широкий «разброс» интересов среди основных акторов?

Интенсивное становление современной экологической политики на глазах изменяет ландшафт мировой политики во всех ее измерениях и сферах подобно тому, как распространение новых строительных технологий или архитектурных стилей волнообразно – волна за волною – прокатывается по планете и преобразует урбанистические ландшафты даже в самых удаленных концах света. Перемены такого рода называю экологизацией политики. Причем степень экологизации постоянно возрастает, затрагивая не только внешние формы, но и саму архитектуру политической деятельности, динамику и направленность развития основных политических институтов.

Одна из причин и одновременно один из наиболее значимых результатов качественных подвижек – существенное расширение круга основных акторов политики. Среди них в последние годы заметно укрепляются, как уже говорилось, позиции национальных и международных неправительственных организаций экологической и социальной направленности, в деятельности которых особую роль играют научные идеи, имеющие отношение к экологии. Соответственно, возрастает роль представителей научного сообщества, работающих в сфере экологии, расширяются их возможности влиять на ход событий. Это заставляет публичных политиков корректировать свои целевые установки и даже собственные идентификационные признаки: почти каждый политик становится воинствующим экологом в предвыборную страду (потом эта привязанность быстро ослабевает). Однако даже временные «погружения» в экологическую тематику заставляет политиков существенно пополнять багаж своих представлений, понятий, образов. Как бы критически мы не относились к среднему уровню политической культуры в современном мире, следует признать, что есть и заметные позитивные сдвиги. Если даже ограничиться сравнительным (частотным) анализом текстов выступлений лидеров великих стран за последние 10-15 лет, а также анализом деклараций ведущих международных организаций, консолидирующих мировое сообщество, то несложно будет заметить, насколько разительны произошедшие перемены.

Это, прежде всего, качественное обогащение политической лексики, свидетельствующее о принципиальной возможности сближения двух деловых качеств – компетентности, т.е. права принимать решения, и *компетенции*, т.е. знаний, позволяющих принимать разумные решения, трудно совместимых в любой области деятельности. Не является исключением и сфера политики, где эти качества редко сходятся по многим причинам, одна из которых – несопоставимый статус политиков и экспертов, что особенно болезненно проявляется в России, где вступают в силу и имущественные различия, преходящие сословные, которых нет в западных странах. Безуспешность бесчисленных попыток совместить или хотя бы сблизить эти качества в сфере

реальной политики связана и с особенностями функционирования основных политических институтов современной демократии. Если политическая деятельность (во всяком случае, в таких ее областях, как природопользование, где степень риска для миллионов явно не соответствует степени ответственности политиков за принятые ими решения) объективно нуждается в узкой специализации, то очередной «политический цикл» приводит на высшие политические посты вовсе не узких специалистов, а людей, получивших на выборах «кредит доверия».

В зависимости от результатов выборов места в правительстве займут либо министры-социалисты, либо министры-консерваторы, либо сторонники других политических направлений (лейбористы, коммунисты, социалисты...). В любом случае в их компетенцию, причем совершенно независимо от их компетентности (!) перейдут рычаги управления по всему кругу проблем – от экономических и социальных до экологических и этнокультурных. Именно по этой причине мы почти никогда и ничего не слышим, к примеру, о министрах-экологах (профессиональных экологах), министрах-физиках (не повредило бы при управлении, например, атомной отрасли), министрах-экономистах (профессиональных экономистах) или министрах-социологах. Публичные политики и администраторы-политики такого ранга переставляются по отраслевому полю подобно шашкам, которые можно заменить при необходимости без ущерба для дела и на бутылочные пробки...

Дело осложняется тем, что кредит политического доверия приобретает не глубиной профессиональных познаний в какой-то отдельной области, а знанием психологии избирателя, удачей и наличием ресурсов, необходимых для проведения кампании. По этой причине столь редким качеством в политике и является обычная профессиональная компетентность, то есть наличие знаний и профессиональных навыков, необходимых не только при решении проблем определенного класса, но и на этапе постановки проблем (как известно, сформулировать проблему – наполовину ее решить). А компетенция, понимаемая как должностное право принятия решений, напротив, механически

прилагается к должностному статусу, причем прилагается иногда (как это характерно для политической деятельности) без какой бы то ни было экспертизы компетенции.

Предварительный вывод из сказанного заключается в том, что России нужна не одна вертикаль власти, а две вертикали:

1. вертикаль, основанная на *авторитете государственной власти*, представители которой приобретают возможность использовать права, соответствующие их *политической компетенции*, при условии открытости «политической кухни», а также эффективной системы научного обеспечения и сопровождения политики, что в какой-то мере восполняет дефицит профессиональных знаний и добавляет элементы *научной компетентности* в процесс подготовки и принятия политических решений;

2. вертикаль, основанная на высоком общественном *авторитете профессионалов*, чья компетентность и компетенция в своей области не вызывают сомнений, но компетенция в сфере политики была и остается минимальной. (Хотя каждый гражданин – политик, но, согласно М.Веберу, его политическая миссия сводится к «хождению к избирательной урне», а применительно к современным профессионалам и интеллектуалам – и к праву просить «политическую элиту» обратить внимание на нищенское положение ученого сословия.)